

Ану-Резт Хаузенберг (Таллинн)

Отражение конвергенции и языковых контактов в морфологии пермских и прибалтийско-финских языков

Исторические связи пермских языков с родственными языками во многом остаются еще невыясненными. Пролить свет на эту проблему могло бы изучение различий между коми и удмуртским языками. Данная работа посвящена некоторым особенностям коми языка в системе личных местоимений, глагольных форм и падежных функций, параллелей которым мне не удалось обнаружить в удмуртском языке, в то время как аналоги имеются в более западных родственных языках. Происхождение подобных параллелей установить нелегко. Здесь возможно как конвергентное развитие языков, так и взаимное влияние в ходе языковых контактов. И еще: почитаемое за диалектную инновацию может в действительности оказаться генетически общим для родственных языков элементом, который, например, в удмуртском языке уже утрачен. Однако как и каждая инновация, так и забвение имеет свою причину.

1. Личные местоимения 3-го лица

По традиционной схеме развития уральских языков, личные местоимения 1-го и 2-го лица сформировались уже в период уральского языка-основы, а личные местоимения 3-го лица начали складываться лишь в финно-угорском праязыке. Очевидно, звуковой ареал в то время не был ни компактным, ни единым, поскольку наблюдаются весьма различные варианты развития.

1) Личное местоимение 3-го лица образовалось от указательных местоимений, начинающихся с *s*, указательная функция которых либо заменилась, либо дополнилась функцией обозначения лица. Данный вариант свойственен северной группе прибалтий-

ско-финских языков (финский, карельский, вепсский, ижорский), мордовскому, саамскому, пермским и угорским языкам. В этих языках форма 3-го лица единственного числа начинается с *s*, форма множественного числа имеет одну и ту же основу в прибалтийско-финских, саамском, мордовском, удмуртском и угорских языках (напр., морд. *son* 'он', *sin* – *sin'* 'они').

2) В южной группе прибалтийско-финских языков (водский, эстонский, ливский) и в марийском форма личного местоимения 3-го лица единственного числа начинается с *t* (эст. *tema*, *ta*, мар. *тудо/тйды* 'он'). Считалось, что вариант с *t* вытеснил местоимения с начальным *s* (Основы, 1974, с. 284). Форма множественного числа в этих языках образуется от основы с *n* (эст. *nad*, мар. *нуно/нйны* 'они').

3) Коми язык отличается от языков обеих групп: форма единственного числа начинается с *s*, а множественного – с *n* (Только в редких коми диалектах зарегистрированы спорадические формы множественного числа с начальным *s*, например, сс *sijejas*, уд (Вашка) *sijejda* – которые, очевидно, спорадические образования по аналогии).

Таким образом, формы 3-го лица множественного числа в коми и удмуртском языках имеют различное происхождение. Коми язык являет собой как бы буфер между двумя первыми типами.

В данном аспекте заслуживает внимания и распространение указательных местоимений с начальным *n*. Множественное число указательных местоимений, в форме единственного числа начинающихся с *s* или *t*, имеет супплетивную основу на *n* в прибалтийско-финских, мордовских и марийском языках. Указательное местоимение с *n* отсутствует в саамском, пермских и угорских языках. Тем самым личное местоимение с начальным *n* в южной группе прибалтийско-финских и марийском языках происходит, очевидно, от указательного местоимения с начальным *n*, которое приобрело дополнительную функцию – обозначение лица. Откуда же произошло местоимение с начальным *n* в коми языке?

Рассмотрим бегло и структуру коми местоимения с *n*. Оно имеет необычно много диалектных вариантов, например, *naje*, *naja*, *nija*, *nja*, *nida*, *nijejda*, *najejda*, *nā*, *nja*, *nājas*, *najajas* и даже *najajanjas*. Добавление пермского показателя множественности (*-jas* ~ *-jan* ~ *-jez*) свидетельствует о том, что элемент основы *n* как показатель множественного числа не воспринимается. То же

можно отметить и в эстонском языке, где к основе на *i* присоединяется показатель множественности *-d* (*nad, nemad* 'они', *need* 'эти', ген. *nende*). Элемент *j* коми местоимений в формах *naje ~ nija* иногда пытаются толковать как буферный звук. Однако этот "буфер" не облигаторен, поскольку встречаются и варианты без элемента *j*. Весьма заманчиво привести для сравнения эстонские личные местоимения *meie, teie* и их безударные варианты *me, te*. Интересны также лужско-летский вариант *нида* и вашкинские *ni-jezda, najezda*, в которых элемент *d* не получил удовлетворительного объяснения. Родственен ли он марийской эмфатической частице *да* или прибалтийско-финскому показателю множественного числа *-d*? Независимо от ответа на этот вопрос совершенно очевидно, что коми язык в период формирования личного местоимения 3-го лица был близок с марийским и южной группой прибалтийско-финских языков.

II. Варьирование глагольной формы 3-го лица

В глагольных словоизменительных формах коми и удмуртского языков наблюдается ряд различий. Здесь рассмотрим подробнее варьирование форм 3-го лица презенса в коми диалектах.

В коми литературном языке форма 3-го лица единственного числа оканчивается на гласный (*šetę* 'дает', *munę* 'идет'), а множественного имеет показатель *-enj* (*šet-enj* 'дадут', *mun-enj* 'идут'). В соответствующих формах претерита показателем единственного числа является *-is* или *-i* (*šetis ~ šeti*) и множественного *-isnj* (*šetisnj*). Элемент *i* – несомненный признак множественного числа, проблематичен же элемент *s*. В удмуртском языке это закономерный форматив 3-го лица (*mjini-z* 'он шел', *mjini-zi* 'они шли'). В коми языке форматив *s* не закономерен. Высказывалось мнение, что элемент *s* может отсутствовать только у непереходных глаголов (Серебренников 1963: 213). Практическое речепользование, однако, этому правилу не следует: один и тот же глагол может быть как с формативом *s*, так и без него. В то же время варьирование отмечается не во всех диалектах:

is – нв. сс. вс. лл. кп.

i ~ is – скр. вв. вым. иж. уд.

Итак, варьирование в большей мере отмечается в северных коми диалектах. Особого внимания при этом заслуживают вашкинские говоры удорского диалекта, в которых форма 3-го лица варьирует и в настоящем времени:

Презенс: ед. ч. 3-е лицо *-e ~ -as*

мн. ч. 3-е лицо *-gni(s) ~ asni(s)*

Претерит: ед. ч. 3-е лицо *-i ~ -is*

мн. ч. 3-лицо *-ini(s) ~ isni(s)*.

Часть глаголов имеет только один вариант, часть же — оба. В. И. Лыткин полагал, что причина этого кроется в исходных гласных основы: *-s* сохранился в глаголах с исторической основой на *a*, чтобы избежать омонимии (Лыткин 1961: 19–51). Но почему избежали омонимии только некоторые диалекты? В 3-м лице единственного числа варианты с *s* зарегистрированы, кроме вашкинских говоров, еще и в говорах ижемского и верхнесыольского диалектов. Какой могла быть все-таки функция форматива *s*?

И опять — аналогичное варьирование глагольных форм без окончания и с окончанием на *s* в 3-м лице презенса отмечено в южноэстонских диалектах. Например, формы окончания в 3-м лице имеют глаголы *andma* 'давать' (*and, andva*), *jagama* 'делить' (*jaga, jagava*), *meskma* 'мыть' (*mesk, meskva*) и др. а форматив *s* присоединяют глаголы *elama* 'жить' (*elä's, eläze'*), *kõlma* 'умирать' (*kõlę's, kõlęze'*), *kadoma* 'пропадать' (*kaos*) и др.

Л. Пости считал варьирование глагольной формы 3-го лица старой чертой прибалтийско-финских языков, которая (т. е. форма 3-го лица) делит глаголы на два словоизменительных типа. Показатель *-s* в формах 3-го лица получали глаголы, обозначающие процессы, которые происходят в самом субъекте или же в которых задействован весь субъект, либо он в них особо задействован. Процесс противоположного плана исходит от субъекта и развивается вовне (Пости 1980: 112).

Наиболее обстоятельный анализ рассматриваемых здесь форм дал Михкель Тоомсе. Варьирование формы 3-го лица показывает, что южноэстонские диалекты на заключительном этапе прибалтийско-финского праязыка развивались в ином направлении, чем остальные прибалтийско-финские диалекты. Наибольшее распространение варьирование получило в юго-восточных говорах Южной Эстонии (Тоомсе 1955: 44, 46).

Возможно, что и сохранившиеся в коми диалектах варианты форм 3-го лица изначально имели значение, аналогичное значению в прибалтийско-финских диалектах. Однако тот факт, что элемент *s* лучше сохранился именно в самых северо-западных коми диалектах, свидетельствует в пользу того, что часть прибал-

тийско-финских и коми диалектов контактировали между собой или находились в одном и том же ареале развития.

III. О некоторых функциональных особенностях местных падежей

Для уральских языков характерна трехчленная и трехаспектная группа местных падежей, но сами падежи сложились не в языке-основе, они сформировались уже в языковых группах. По О. Доннеру, *l*-овые и *s*-овые падежи представляли собой инновации прибалтийско-финско-пермского периода. Более поздние исследования показали, что звуковые закономерности не подтверждают общего происхождения прибалтийско-финского *-s* и пермского *-š*. Падежи на *-l*, правда, имеют один источник происхождения (финно-угорский локальный деривационный суффикс **-la/*-lä*), но из-за разницы их функций в прибалтийско-финских и пермских языках высказываются сомнения и по поводу общего происхождения.

Падежам пермских языков посвящено несколько обстоятельных исследований, и они свидетельствуют, насколько различаются между собой падежные системы даже коми и удмуртского языков – как по формативам, так и в части функций. Например, коми консекутив (*-la*) отсутствует в южных диалектах коми-пермяцкого языка и в удмуртском языке – очевидно, эта инновация коснулась только северных пермских диалектов (см. также Бейкер 1985: 199-200). Данные диссертации Г. Некрасовой показывают функциональное различие местных падежей в коми и удмуртском языках. Для выражения же причины пользуются разными средствами даже коми-пермяцкие и коми-зырянские диалекты. Она же утверждает, что функционально местным падежам удмуртского языка ближе соответствующие падежи восточномарийского диалекта, чем коми языка (Некрасова 1987: 236). Функции же коми элатива на удивление близки прибалтийско-финскому и особенно эстонскому элативу. (Подробнее об этом см. Хаузенберг 1979, 1981). Следовательно, местные падежи сформировались в тот период, когда контакты и ареалы распространения финно-угорских языков или диалектов допускали как сходные, так и различающиеся пути развития. Давно замечено, что конвергентное развитие контактирующих языков затрагивает также падежную систему и семантическую нагрузку падежей. Так и функциональность коми элатива может служить еще одним свидетельством былой близости коми и праприбалтийско-финских диалектов.

В заключение следует согласиться, что традиционно признанная картина разветвления финно-угорских языков через т. н. промежуточные праязыки представляется все более условной. Микко Корхонен на Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре утверждал, что для строгого разделения между собой финно-угорских и самодийских языков нет ни языковых, ни исторических, ни географических причин (Корхонен 1986: 160). Традиционное “языковое древо” неоднократно критиковала Кайза Хяккинен. Она указывала, что слишком мало таких четко очерченных инноваций, которые могли бы подтвердить существование в прошлом, например, периодов прибалтийско-финско-пермского или прибалтийско-финско-волжского праязыков (Хяккинен 1984). Современные языки во многом сформировали продолжавшиеся на протяжении всего их существования контакты, причем инновации учитывали не столько степень родства языков, сколько географическое соседство. Приведенные здесь факты позволяют предполагать былое соседство ареалов распространения диалектов прибалтийско-финского и коми праязыков. Удивительное своеобразие эстонских юго-восточных диалектов прояснили исследования археологов, согласно которым часть прибалтийско-финских племен гораздо дольше оставалась на территории, расположенной значительно восточнее своего современного региона. В аспекте пермских языков рассмотренные здесь коми-удмуртские расхождения свидетельствуют о рассеянном расселении пермских племен в прошлом. Конец существования прибалтийско-финского праязыка датирован рубежом нашей эры, пермское же языкознание утверждает, что в то время пермские племена непо потревоженной общностью проживали в Камско-Вятском регионе. Кто ошибается?

Библиографический список

Бейкер Р. 1985 – Robin Baker. The development of the Komi case system. A dialectological investigation. Helsinki (SUST, 129).

Корхонен М. 1986 – Mikko Korhonen. History of the Uralic languages and the principle of lateral areas // Finnish-ugrische Forschungen, Vol. 47. Helsinki.

Лыткин В. И. 1961 – К вопросу о конечной гласной основы глаголов настоящего времени в финно-угорских языках // Вопросы языка, литературы и фольклора. Йошкар-Ола (Труды МарНИИ яз., лит. и истории, вып. XV).

Некрасова Г. А. 1987 – Л-овые падежи в коми языке: Канд. дисс. Тарту.

Основы 1974: Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). Москва: Наука.

Посту Л. 1980: Lauri Posti. The origin and development of the reflexive conjugation in the Finnic languages // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum, Pars I.* Turku.

Серебренников Б. А. 1963: Историческая морфология пермских языков. Москва: Изд-во АН СССР.

Тоомсе М. 1955: Mihkel Toomse. Zur dritten Person Singularis im Süd-estnischen // *Commentationes Balticae: Jahrbuch des Baltischen Forschungsinstituts, Vol. 2(6).* Bonn.

Хаузенберг А.-Р. 1979: О некоторых явлениях конвергентного развития и взаимовлияния языков // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск.

Хаузенберг А.-Р. 1981: Anu-Reet Hausenberg. On the syntactic distribution of relative in Komi and Estonian // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.-27. VIII. 1980, Pars VI.* Turku.

Хяккинен К. 1985: Kaisa Häkkinen. Wäre es schon an der Zeit, den Stammbaum zu fallen? Theorien über die gegenseitigen Verwandtschaftsbeziehungen der finnisch-ugrischen Sprachen // *Ural-altaische Jahrbucher. N. F., Vol. 5.* Wiesbaden.